

DOI 10.35775/PSI.2025.115.3.028

УДК 32.327

ЖЭНЬ ВАНЬЮЙ

аспирант Института Китая и современной Азии

Российской академии наук, Россия, г. Москва

E-mail: renwy666@gmail.com

ВЫЗОВЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ЧАСТЬ II)⁴

Современный процесс концептуализации «трансграничного сотрудничества» привел к тому, что тема трансграничного сотрудничества между Россией и Китаем часто поднимается на повестке дня и привлекает широкое внимание международного сообщества. И Россия, и Китай подчеркивают самодостаточный характер своих моделей трансграничного сотрудничества, их независимость от глобальной неустойчивости и видение руководством двух стран взаимного сотрудничества, как ключевого элемента своей политики. Однако стоит отметить, что, несмотря на положительные тенденции, российско-китайское трансграничное сотрудничество по-прежнему сталкивается со структурными проблемами и вызовами как во внешнем, так и во внутреннем измерениях. Что касается внешних вызовов, то США как ключевая сила внешнего вмешательства, оказывает сложное влияние на динамическое равновесие в отношениях между Россией и Китаем. Кроме того, все более очевидным становится противоречие интересов России и Китая в Центральной Азии, что является еще одним внешним вызовом, требующим безотлагательного решения. Внутренние вызовы выражаются, прежде всего, в несовпадении экономических основ и надстроечных потребностей России и Китая, а также в растущем различии политических предпочтений двух стран. С учетом этих обстоятельств в данной статье с помощью таких методов, как обзор литературы и кейс-стади, рассматриваются основные факторы, препятствующие развитию трансграничного сотрудничества между Россией и Китаем. **Целью** написания данной статьи является формирование и совершенствование теоретической системы, углубление понимания механизма сотрудничества и выработка практических рекомендаций для содействия синергетическому развитию двух стран и регионов.

Ключевые слова: российско-китайское трансграничное сотрудничество, внешние вызовы, внутренние вызовы.

II. Внутренние вызовы.

2.1. Неспособность экономической базы двух стран удовлетворить потребности надстройки. С одной стороны, трансграничное сотрудничество между Россией и Китаем долгое время сталкивается с ситуацией «горячей

⁴ Часть I исследования читайте в журнале Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 2 (114). С. 697-705.

политики и холодной экономики», что связано с существенными экономическими ограничениями, включая узкие места в технологическом развитии, однородную структуру экспортных товаров с недостаточно использованными взаимодополняющими преимуществами и экономическим потенциалом, а также с тем, что Россия и Китай еще не сформировали значимый механизм привлечения прямых инвестиций друг друга и с неотложной необходимостью оптимизации инвестиционного климата с обеих сторон. В настоящее время структура двусторонней торговли между Россией и Китаем доминирует товарами с низкой добавленной стоимостью: Россия ориентирована на экспорт ресурсоемких продуктов, а Китай – на экспорт трудоемких товаров. Такой низкий уровень торгового состава ограничивает углубление российско-китайского сотрудничества. На самом деле, по сравнению с энергетической торговлей, сельскохозяйственные ресурсы Дальнего Востока имеют больший экспортный потенциал на китайском рынке, и сельскохозяйственная торговля, как ожидается, станет новым двигателем роста двусторонней торговли. Точно так же китайская промышленность потеряла преимущество в стоимости рабочей силы, и затраты на труд значительно выше, чем в развивающихся странах, таких как Вьетнам и Мексика. Это изменение сигнализирует о том, что стратегия экспорта, продолжающая полагаться на трудоемкие товары, с трудом соответствует фактическим потребностям Китая на текущем этапе экономического развития и изменений в условиях внутренних и международных рынков [10]. В то же время, существует потенциал для дальнейшего улучшения инвестиционного климата в России и Китае. Например, согласно данным из отчета Ведение бизнеса 2020 (Doing Business 2020), опубликованного Всемирным банком (поскольку первый выпуск отчета В – ГОТОВНОСТЬ 2024 «B-READY 2024» не охватывает материковый Китай и Россию, используются данные последнего выпуска Ведение бизнеса 2020), Россия заняла 28-е место в мировом рейтинге легкости ведения бизнеса в 2020 году с 78,2 балла, при этом лучшим показателем было «Подключение к электросетям», а самым слабым – «Торговля через границу» [16]. Китай занял 31-е место в мировом рейтинге легкости ведения бизнеса с 77,9 балла, продемонстрировав хорошие результаты в области «Исполнения контрактов» и отставание в области «Уплаты налогов» [15]. Эти данные не только раскрывают конкретные сильные и слабые стороны России и Китая в области их деловой среды, но и отражают тот факт, что инвестиционный климат в обеих странах по-прежнему в значительной степени зависит от традиционных сильных сторон каждой страны, а именно, от прочной основы России в энергетическом секторе и сильных позиций Китая в обеспечении верховенства закона. Эти данные указывают на общую тенденцию: существует еще потенциал для улучшения открытости рынков России и Китая, особенно в части упрощения международной торговли и налоговых процедур. Обе страны должны продолжить углубление реформ с целью привлечения большего количества международных инвестиций и содействия взаимовыгодному сотрудничеству в условиях экономической глобализации. Этот процесс связан не только с корректировкой и оптимизацией экономических политик,

но и является важным отражением ролей и стратегических выборов двух стран в международной экономической системе.

С другой стороны, экономические системы России и Китая несовершенны, даже слабо структурированы, сложны и менее оперативны. На данный момент Россия и Китай все еще находятся на стадии построения механизмов экономического сотрудничества и развития, многие из которых были установлены российскими и китайскими официальными лицами на основе консенсуса. Однако возникли проблемы, потому что многие из этих механизмов не были тщательно проверены, оценены или прогнозированы заранее, и в результате многие из них были созданы, но не смогли должным образом выполнять свои функции, не обладают стратегической координацией. Например, одной из ключевых проблем механизма сотрудничества БРИКС (BRICS), важного инструмента экономического сотрудничества России и Китая, является создание альтернативной международной валютно-финансовой системы, которая привлекла большое внимание на саммитах, но ее реализация оказалась трудной. Программа Мост БРИКС (BRICS Bridge), предложенная на саммите Союза в Казани в 2024 году [2], направлена на облегчение транзакций с цифровыми финансовыми активами и трансграничных платежей. Несмотря на то что эта инновационная инициатива в области валютно-финансовых отношений является перспективной [13], ее реализация тесно связана с глобальной экономической ситуацией и требует преодоления таких проблем, как отсутствие единых технических стандартов, значительные различия в нормативных рамках и информационная асимметрия в деловой среде среди стран БРИКС. Особенно проблематично то, что успешная реализация программы предполагает соответствующие изменения в законодательных системах всех стран БРИКС (BRICS), что потребует не только значительных изменений в эмиссии цифровых финансовых активов (ЦФА) центральными банками, но и законодательных изменений на национальном уровне (Основная идея платформы Мост БРИКС «BRICS Bridge» заключается в использовании цифровых финансовых активов [ЦФА], выпущенных центральными банками участвующих стран, для чего центральные банки должны будут изменить национальное законодательство [1]), сложность этого не может быть переоценена. Как указывает российский ученый Рамзия Фаздалова, «Если расширение состава стран БРИКС не будет существенно реализовано через внедрение уже хорошо установленных платформенных программ, а также новых инициатив в таких областях, как финансы, экология, технологии и т.д., это усилит у многих наблюдателей изначальное впечатление о БРИКС как о чем-то подобном Г-77 – нефункциональном политическом клубе, образованном на основе интересов [18]». Та же проблема проявляется и в создании механизмов сотрудничества России и Китая в других финансовых сферах. Например, подкомитет по финансовому сотрудничеству в рамках механизма регулярных встреч глав правительств Китая и России испытывает большие трудности с эффективным мониторингом и реализацией достигнутых финансовых соглашений из-за отсутствия постоянного органа, что затрудняет воплощение многих важных договоренностей в практические

действия. На местном уровне Координационный комитет по местному экономическому и торговому сотрудничеству на китайско-российской границе и механизм встреч местных лидеров также не сосредоточены на финансовом сотрудничестве, что делает невозможным удовлетворение специализированных потребностей в финансовом сотрудничестве на местном уровне, что еще больше подчеркивает недостатки России и Китая в строительстве механизмов финансового сотрудничества [1]. В целом, хотя Россия и Китай создали новую институциональную структуру для финансового сотрудничества, потребуется много времени, чтобы она заработала должным образом, и учреждения в различных областях должны будут интегрироваться и координировать свои действия для выполнения своих должных функций.

2.2. Децентрализация политических предпочтений в России и Китае. Плюрализм политических предпочтений, как сложное и многогранное явление в международной политике, в первую очередь проявляется в различиях и разнообразии позиций и предпочтений, которые государства выражают при формулировании внешней политики и участии в международных делах. По мере того как глобальная политическая обстановка продолжает изменяться, различия и плюрализм внешней политики России и Китая в рамках трансграничного сотрудничества становятся все более очевидными. Это разнообразие политических предпочтений отражается не только в позициях и отношении двух стран к конкретным международным вопросам, но и в способах взаимодействия, сотрудничества и конкуренции в многополярных дипломатических механизмах, а также в координации интересов и стратегическом взаимодействии в двусторонних отношениях. На данный момент эти политические различия и различия в предпочтениях между Россией и Китаем начинают становиться потенциальными ограничениями для углубления и расширения отношений между двумя странами, что может помешать эффективной координации и сотрудничеству в более широком международном контексте. Для количественного анализа тенденций в различиях политических предпочтений между Россией и Китаем в данном исследовании используются данные голосования Генеральной Ассамблеи ООН и S-баллы(S-score), вычисленные на основе этих данных, как ключевые показатели для оценки и количественной оценки различий в позициях России и Китая в международных делах.

Таблица 1. Результаты голосования России и Китая по соответствующему вопросу на Генеральной Ассамблее ООН в 2020-2024 годах

Год	Россия согласна (%)	Россия воздержалась (%)	Россия не согласна (%)	Китай согласен (%)	Китай воздерживается (%)	Китай не согласен (%)	Китай не участвовал (%)
2020	66	15	19	77	9	12	2

Год	Россия согласна (%)	Россия воздер- жалась (%)	Россия не со- гласна (%)	Китай согласен (%)	Китай воздер- живается (%)	Китай не со- гласен (%)	Китай не уча- ствовал (%)
2021	52	13	21	67	7	12	0
2022	49	17	23	63	11	14	1
2023	45	12	31	62	14	11	1
2024	53	9	33	68	15	11	1

Источник: составлено автором на основе данных протоколов заседаний с официального сайта Организации Объединенных Наций // <https://digitallibrary.un.org/search?ln=en&cc=Speeches>.

Из таблицы 1 видно, что количество голосов «согласен» у России с каждым годом уменьшается: с 66% в 2020 году до 53% в 2024 году. Это свидетельствует о постепенном консерватизме России в поддержке резолюций ООН. Количество голосов «не согласен» в России увеличивается с каждым годом, с 19% в 2020 году до 33% в 2024 году. Относительно высокое число «воздержавшихся», особенно в период с 2020 по 2022 год, постоянно превышает 10%, что может отражать определенные резолюции России или ее уклонение от некоторых вопросов. Китай, с другой стороны, имеет относительно высокое количество голосов «согласен» с 2020 по 2024 год, постоянно превышающее 60% и увеличивающееся до 68% в 2024 году. Число «воздержавшихся» в Китае более стабильно и менее изменчиво и обычно составляет 10-15%. Голоса «не согласен» в Китае более изменчивы, они немного выросли в 2022 и 2023 годах, но обычно держатся в пределах 11-14%. При голосовании по международным вопросам Китай, как правило, поддерживает развивающиеся страны и страны с формирующимся рынком.

По результатам анализа, приведенного в таблице 1, можно рассчитать (на основе уравнения 1-1 и уравнения 1-2) значения S-баллы (S-score) России и Китая на 2020-2024 годы (S-баллы «S-score» – это индикатор национальных интересов, предложенный Синьорино, который предназначен для измерения степени близости отношений или политического сближения двух стран на момент голосования, используя данные голосования Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций [7] и часто используется для анализа степени дружбы или враждебности между странами. Балл рассчитывается на основе разницы в результатах голосования между двумя странами, при этом более высокие значения указывают на то, что эти две страны скорее дружат, а более низкие – на то, что они скорее враждуют).

$$S(P_i, P_j) = 1 - 2 \cdot \frac{d(P_i, P_j)}{d_{max}}$$

(1-1)

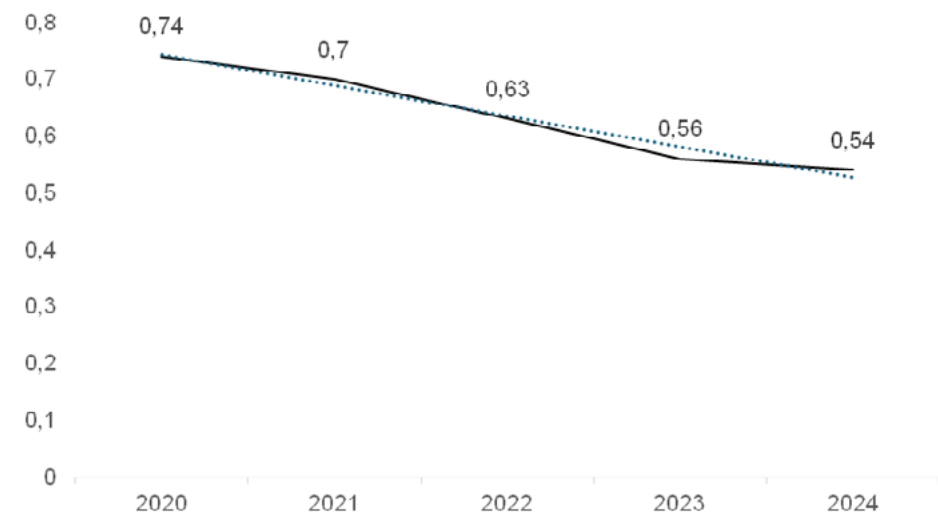
$$d(P_i, P_j) = \sum_{k=1}^N |p_{ik} - p_{jk}|$$

(1-2)

где $d(P_i, P_j)$ – это сумма расстояний голосования между Россией и Китаем, и d_{max} – это максимальная возможная дистанция между результатами голосования двух стран. Оценки S принимают значения в пределах $[-1, 1]$, чем ближе к «1», тем более согласованы голоса двух стран, что может свидетельствовать о дружбе; чем ближе к «-1», тем больше различие в голосах, что может означать враждебные отношения. Более высокие значения S -баллы (S -score) означают, что у двух стран больше общих интересов при голосовании и более схожие политические предпочтения (для данного вопроса существует четыре возможных голоса для России и Китая – «согласен», «не согласен», «воздержавшихся», и «не участвовать». В данной статье трем типам голосов «согласен», «не согласен» и «воздержавшихся» присваиваются соответствующие значения, а также из-за несоответствия размерностей, статья корректирует данные, предполагая, что пропущенные голоса России либо пустые, либо каким-то образом заполнены, либо учитываются только пересекающиеся годы Китая и России – то есть, поскольку Китай имеет записи «не присутствовать» в годах 2020, 2022, 2023 и 2024, соответствующие голоса России также исключаются из расчета значения S -баллы (« S -score»).

Согласно рисунку 1, можно четко увидеть, что в последние годы политические предпочтения России и Китая начали демонстрировать тенденцию к взаимному расхождению. В текущей ситуации между Россией и Китаем существуют значительные различия в уровне экономического развития, технологических возможностях, зависимости от ресурсов и политическом фоне, что привело к тому, что позиции двух стран по ряду вопросов начали показывать явную тенденцию к расхождению. Несмотря на то, что обе страны преследуют общую макроцель в продвижении экономической интеграции, различия в определении конкретных путей реализации политики и приоритетных направлений развития становятся все более заметными, формируя значительное расхождение. Этот феномен отражает не только асимметрию двух стран с точки зрения структурных факторов, но и сигнализирует о потенциальных затратах на координацию и рисках трений в процессе сотрудничества. С политической точки зрения такие различия могут стать основным препятствием для углубления и расширения сотрудничества между Россией и Китаем в будущем. Это еще больше проверит гибкость и синергию сторон в плане политической воли, стратегического согласования и построения механизмов.

Рисунок I. S-баллы(S-score) для России и Китая, 2020-2024

Источник: авторская разработка, основанная на расчетах и анализах.

Заключение. Подводя итог, на нынешнем этапе Россия и Китай все еще сталкиваются с серьезными структурными проблемами в области трансграничного сотрудничества, формирование которых не является результатом краткосрочных факторов и не может быть быстро устранено. С одной стороны, эти проблемы обусловлены стратегическими вмешательствами внешних держав, что проявляется в продолжающейся неопределенности стратегического курса США, который представляет собой основное препятствие для российско-китайского сотрудничества, а также в усиливающейся конкурентной внешней среде в последние годы, что привело к острой необходимости России и Китая исследовать диверсифицированные структуры международного сотрудничества и активно открывать новые типы международных рынков, что привело к нарастающим геополитическим противоречиям в Центральной Азии.

С другой стороны, эти проблемы коренятся в накопленных факторах традиционных экономических структур двух стран, в частности в монолитности российско-китайской торговой структуры и чрезмерной зависимости от традиционных преимуществ в деловой среде. Например, в российской деловой среде показатель «Подключение к электросетям» как показатель преимущества отражает превосходство России по доступу к электроэнергии по сравнению со странами Европы и Центральной Азии (например, для завода в Москве процесс получения электроэнергии занимает всего 38 дней, в то время как в Европе и Центральной Азии в среднем 99,6 дня), что связано с уникальными ресурсными преимуществами России. Однако показатель «Торговля через границу» как показатель недостатка (например, в Москве время экспорта на границу

для компании составляет 66 часов, а стоимость экспорта на границу – 580 долларов США, что выше среднего по Европе и Центральной Азии) раскрывает сложность экспортной логистики России в отношении времени и стоимости, что связано с ее нормативными требованиями, среди прочего.

Кроме того, переориентация собственных интересов и политических приоритетов России и Китая привела к фрагментации политических предпочтений. Хотя устойчивость этой тенденции еще предстоит оценить, она уже представляет собой определенные вызовы для сотрудничества между двумя странами. В целом, возникновение этих структурных проблем неизбежно, и они в дальнейшем будут испытывать гибкость и синергию России и Китая на уровнях политической воли, стратегического выравнивания и построения механизмов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Передача финансовых сообщений и ЦФА: Минфин РФ раскрыл детали работы платежной системы BRICS Bridge. TAdviser.ru. (23.10.2024) // BRICS Bridge (платформа для трансграничных платежей).
2. Эксперт допустил проявление контуров системы BRICS Bridge к 2025 году // Официальный сайт МГИМО МИД России. (25.11.2024) // <https://mgimo.ruhttps://tass.ru/ekonomika/22489087>.
3. [俄] Л. Смирнов, 褚明亮, 张欢欢 译. (2018). 俄罗斯媒体对一带一路的认知_中国欧洲经济技术合作协会. ([Russian] L. Smirnova, Zhuo Mingliang and Zhang Huanhuan. (2018). Russian Media's Perception of the «Belt and Road»_China Association for European Economic and Technical Cooperation [CEETC]).
4. В.Л. 拉林 & 臧颖. (2021). 欧亚一体化设想背景下中俄跨境问题研究(二). 黑河学院学报(08), 12-14. (Larin V.L. & Zang Ying. (2021). Study of Sino-Russian cross-border issues in the context of Eurasian integration scenario (II). Journal of Heihe Academy (08), 12-14).
5. 李自国. (2016). 欧亚经济联盟: 绩效, 问题, 前景. 欧亚经济, (2), 2-17. (Li Zigu. (2016). Eurasian Economic Union (EEU): performance, problems, prospects. Eurasian Economy, (2), 2-17).
6. 马凤书. (2002). 中俄关系中的美国因素. 当代世界社会主义问题, (2), 90-97. (Ma Fengshu. (2002). The U.S. Factor in Sino-Russian Relations. Contemporary World Socialist Issues, (2), 90-97).
7. 王丰龙, 司月芳, 傅行行, & 刘云刚. (2020). 谁是我们的朋友, 谁是我们的«敌人»? WORLD REGIONAL STUDIES, 29(2). (Wang Fenglong, Si Yuefang, Fu Xingxing & Liu Yungang. (2020). Who are our friends, who are our 'enemies'? WORLD REGIONAL STUDIES, 29(2)).
8. 今年前10个月, 美国为我第三大贸易伙伴. (11.11.2020) // https://us.mofcom.gov.cn/zmhz/tjsj/art/2020/art_48feb080d9c94dc8b852997c82906fdf.html. (In the first 10 months of this year, the U.S. was my third largest trading partner.
9. 望突破西方围堵, 中俄寻求科技互补, 补得上吗? (24.03.2023) // <https://www.voachinese.com/a/china-russia-technology-20230324/7019043.html>. (Hoping to

break through the Western siege, Russia-China seek to complement each other's science and technology; can they make up for it?).

10. 中俄区域经贸合作面临的机遇、存在的问题及优化建议_风闻. (26.08.2020) // <https://user.guancha.cn/main/content?id=369634>. (Opportunities, Problems and Optimization Suggestions for China-Russia Regional Economic and Trade Cooperation_Windsor).
11. 专家分析：新形势下中俄金融合作现状、存在的问题及对策建议_风闻. (07.02.2021) // <https://user.guancha.cn/main/content?id=542621>. (Expert Analysis: Current Situation, Problems and Suggestions for Countermeasures of China-Russia Financial Cooperation under the New Situation_Window).
12. 中华人民共和国海关总署, 海关统计数据查询平台 // <http://stats.customs.gov.cn>. (General Administration of Customs of the People's Republic of China, Customs Statistics Query Platform).
13. BRICS Bridge' is in focus at BRICS Summit: What does it mean? // World News-News9live. (22.10.2024) // <https://www.news9live.com/world/brics-bridge-is-the-focus-at-the-brics-summit-what-does-it-mean-2729866>.
14. **Brzezinski Z.** (2016). The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. Basic books.
15. Explore Economies (China). World Bank // <https://archive.doingbusiness.org/zh/data/exploreeconomies>.
16. Explore Economies (Russian Federation, RSFSR). World Bank // <https://archive.doingbusiness.org/zh/data/exploreeconomies>.
17. **Koloso V. & Zotova M.** (2023). The 'Pivot to the East 'and China in Russian discourse. Geopolitics. 28(2).
18. **Ramziya Fazdalova.** (04.11.2024). 专栏 | 组织的创建本已是不易成就, 但金砖正面临更大的难题-北京民智文化发展战略研究院 // <http://dctthink.cn/newsinfo/7718596.html>. (Ramziya Fazdalova. (04.11.2024). COLUMN // The creation of the organisation was not an easy achievement, but BRICS is facing an even bigger challenge-Beijing Minzhi Institute of Cultural Development Strategy).
19. **Safronova E.** (2019). The SREB project and Russian-Chinese dialogue. Asia and Africa Today. no. 3.
20. **Sharyshev A.V.** (2016). Strategic partnership between Russia and China: importance and sustainability of bilateral relations. Сравнительная политика. (2 (23).
21. **Trenin D.** (2012). True Partners?: How Russia and China See Each Other. Centre for European Reform.
22. 2024年11月进出口商品国别(地区)总值表(美元值). (18.12.2024) // <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/6271073/index.html>. (November 2024 Import and Export Commodity Country (Region) Gross Values Tables (US Dollar Values).

WANYU REN

Postgraduates of Institute of China and
Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
(RAS), Moscow, Russia

CHALLENGES OF CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA AT THE PRESENT STAGE (PART II)

The current process of conceptualizing «cross-border cooperation» has led to the frequent inclusion of the topic of cross-border cooperation between Russia and China in the agenda and has attracted widespread attention from the international community. Both Russia and China emphasize the self-sufficient nature of their cross-border cooperation models, their independence from global fluctuations and the fact that the two governments see mutual cooperation as a central element of their policymaking. However, it is worth noting that despite the positive trends, Russia-China cross-border cooperation still faces structural problems and challenges in both external and internal dimensions. In terms of external challenges, the United States, as a key external interventionist force, exerts a complex and volatile influence on the dynamic equilibrium of relations between Russia and China. In addition, the contradictions interests of Russia and China in Central Asia are becoming increasingly apparent, which is another external challenge that needs to be resolved urgently. The internal challenges are mainly reflected in the mismatch between the economic foundations and superstructural needs of Russia and China as well as in the increasing discrete political preferences of the two countries. In view of this background, this article uses literature and case studies to explore the main obstacles to cross-border cooperation between Russia and China, aiming to build and improve the theoretical system, deepen the understanding of the cooperation mechanism, and provide practical references to promote the synergistic development of the two countries and regions.

Key words: Russia-China cross-border cooperation, external challenges, internal challenges.